

Е. В. Кондратьева

*Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия*

kateruk1991@mail.ru

СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ

В современной этнологии сложилась идея системного подхода к изучению этноса и его структурных компонентов, что делает необходимым тщательный и глубокий анализ всех сторон его жизнедеятельности. Статья посвящена изучению семейно-родовых праздников и обрядов чувашей и удмуртов – *мункун* (*ман кун*), *шимёк* и *чўжлеме* у чувашей, *быд́зым нунал* (*великтэм*), *семик* (*семык*), *виль* у удмуртов. Они являются одними из структурных основополагающих компонентов этнической культуры, которые оказывают воздействие на функционирование всей целостной системы. Большая роль в этом, несомненно, была отведена сельской общине, влиявшей на формирование и наследование традиций, выполнявшей функцию социальной памяти, регулировавшей поведение людей в определенных повторяющихся ситуациях. Именно благодаря сохранившимся общинным традициям эти народы Волго-Камья и в настоящее время проводят семейно-родовые праздники и обряды, сохраняя крепкие родовые узы и передавая многовековой опыт из поколения в поколение.

Ключевые слова: чувашаи, удмурты, община, семейно-родовые праздники, обряды.

Сохранение народных традиций – одна из основных особенностей сельской общины. Возникшие в рамках общинного быта праздники и обряды отражали особенности мировоззрения народов. В настоящее время актуальными являются вопросы, связанные, с одной стороны, с процессом глобализации, с нарастающей силой унифицирующей культуры разных народов, а с другой – с усилением процессов возрождения традиций, со стремлением сохранить самобытность этнических культур. Поэтому важно знать истоки истории и обращаться к традициям, чтобы извлекать исторический опыт для его эффективного использования, урегулирования современных проблем, сохранения и модернизации традиционных ценностей общества. Кроме того, такое исследование позволяет провести научную реконструкцию утерянных звеньев обрядовой культуры.

Цель нашей работы состоит в создании объективной характеристики уровня сохранности семейно-родовых праздников и обрядов чувашей и удмуртов. Это будет достигаться путем прослеживания общинных и родовых взаимодействий в ходе проведения народных праздников и обрядов. Кроме того, в статье производится научная реконструкция утерянных звеньев общинных традиций и составление инварианта.

Работа предусматривает изучение источников и материалов сразу по двум народам. Чувашаи и удмурты не являются близкородственными народами, но они в Волжско-Камском регионе отличаются тем, что сумели сохранить традиционные (даже архаические) пласты празднично-обрядовых комплексов. Эти два народа в значительной степени представляют собой результат единства исторической судьбы данного региона, тесного и длительного этнокультур-

Кондратьева Е. В. Семейно-родовые праздники и обряды чувашей и удмуртов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 235–241.

ного взаимодействия с соседними этносами, о чем свидетельствуют их стадияльно-типологическая близость, мощный общий культурный пласт и многочисленные сходства и параллели. В то же время именно чуваш и удмурты являются крепкими хранителями родовых связей.

Хронологические рамки исследования – XVIII – начало XXI в. Это означает наличие большого объема источников по данной теме, что поможет обеспечить успешное решение поставленных задач. В рамках данного временного интервала община переживала процесс активного и полноценного функционирования в проведении традиционных праздников и обрядов (особенно в XVIII – начале XX в.), а на рубеже XX–XXI вв. – трансформационные изменения. Основное внимание предполагается сосредоточить на периоде со второй половины XIX по начало XX в., когда еще бытовали традиционные формы и патриархальный уклад жизни чувашского и удмуртского крестьянства.

Данная статья является первым исследованием по названной теме. В ней вводятся в научный оборот новые полевые материалы, собранные автором в Республике Удмуртия в 2014 г., Чувашской Республике и Ульяновской области в 2015 г.

В жизни чувашей и удмуртов имело большое значение поклонение умершим прародителям и сородичам. Люди верили, что если провести в честь умерших предков обряды и праздники, то это поможет живым, поскольку семейно-родового покровителя определяет роль хранителя и benefactor семьи [Токарев, 1990. С. 255].

Поклонение своим святыням-покровителям у чувашей выражалось в почитании *Йёрёх*. Это имя имеет три значения: божество, предмет-символ божества, место обитания. Моления в честь них совершались в коренном доме рода. Там собирались обитатели многих дворов, но только те, кто находился в кровном родстве друг с другом [Харузин, 1889. С. 26]. Родовое святилище было одним на всю деревню, если жители относились лишь к одному роду. Бывало, что в состав деревни входило несколько родов, тогда количество святилищ было равным числу родов. Моления в нем проводил специально выбранный с помощью жеребьевки на сельском сходе молельщик *вёсья*. Встречалось, что *Йёрёх* хранился и в каж-

дом роде или доме. Однако идол, находящийся в коренном доме рода, считался главным [Салмин, 2007. С. 374]. К *Йёрёх* чаще обращались женщины.

Поклонение своим святыням-покровителям у удмуртов выражалось в почитании *Воршуд*. Они ассоциировались с женщиной-прародительницей и носили женские названия [Тезяков, 1896. С. 5]. Это имя происходит из двух слов: *вордыны* – «родить, растить» и *шуд* – «счастье» (или другое сочетание: *вордыны* «родить, растить» и *шудыны* «воспроизводить, порождать, рожать») [Владыкина, Глухова, 2011. С. 39]. Обе части, как видим, определяют процесс воспроизводства рода. К *Воршуд*, как и к *Йёрёх*, чаще обращались женщины. Моления в честь прародительницы совершались в родовом святилище *быдзым куала*.

К весенним праздникам рода по приему духов предков относятся *мункун* (*мйн кун*) у чувашей и *быдзым нунал* у удмуртов. Эти праздники входят в цикл годовых кормлений родственников, ушедших в иной мир. Они до сих пор считаются великими торжествами в чувашском и удмуртском обрядовых календарях. К тому же следует отметить, что данные праздники были важными и в сельскохозяйственном отношении. Ритуалы, которые проводили в это время, возможно, изначально носили земледельческий характер.

Названия праздников (*мункун* (*мйн кун*) и *быдзым нунал*) состоят из двух слов каждое: *мйн* (*мун*) «большой, великий» и *кун* «день»; *быдзым* «великий, старший» и *нунал* «день», т. е. в обоих случаях «Великий день». У удмуртов это событие именовалось по-разному: это и *быдзым нунал*, и *великтэм*, и *Паска*, и *Акашка*. Например, южные удмурты Пасху именовали *Акашка* как праздник плуга [Munkácsi, 1887. S. 171–172], что косвенно может свидетельствовать в пользу предположения об изначально земледельческом характере праздника.

Празднование Великого дня было связано с целым рядом специальных обрядов. Например, у чувашей *мункун* включал обряд *калём* – день почитания умерших, собственно *мункун* и обряд изгнания злых духов и предков – *сёрен*. Последний обряд проводили в среду на Страстной неделе. В этот день совершали моление в честь божества *Туря* [Сбоев, 1865. С. 144], варили кашу, пили пиво. С четверга начинались дни поминове-

ния духов предков – *мункун*. Считалось, что души предков посещают своих родственников от *мункуна* до *симёк* (летние родовые поминки с посещением кладбища). В последний, пятый, день чувашаи проводили *сёрен*. У закамских удмуртов подобные обряды назывались *эру карон* – обряд игры с вербой, *кулон потон жыт* – «вечер выхода мертвых», *быдзынал келян* – проводы Великого дня. Обряд *эру карон*, который имел самые разные названия, можно перевести и как обряд изгнания злых духов. Это связано с принадлежностью удмуртов к разным этнографическим группам. Великий праздник начинали в пятницу *арне нунал*, она считалась последней в неделе.

Чувашская и удмуртская община следила за тем, чтобы к этому дню готовились заранее. Во всех домах производили уборку: талой водой мыли стены, потолки, белили печь, топили баню, готовили новую одежду, варили яйца, пиво или кумышку и т. д. Соблюдается это и в настоящее время.

Родственники собирались в коренном доме по отцовской линии (в доме отца и деда), т. е. общего предка, поэтому и поминки назывались общими. Молились и родовому духу-покровителю. Хозяин дома – *хуса* (чув.) и *кузё* (удм.), составлял список приглашенных. Как правило, созывался узкий круг кровных родственников. К примеру, информант Мария Михайловна Якимова отметила, что их род состоял из 18 домов и считался самым большим в д. Латышево. Однако были случаи, когда среди приглашенных гостей были *пуксил*, *күрше* (чув.) и *бускель* (удм.) – соседи.

Старики были главными участниками в действиях поминания духов предков. В четверг же хозяин дома *хуса* ставил свечи, поминая родственников, находящихся в ином мире. Как правило, было столько свеч, сколько душ покинуло это жилище. Ставили также свечку для безродных, поскольку их некому было поминать, и одну свечу во дворе к окну, чтобы идущим в дом покойникам было светло. Под свечи помещали пустой сосуд. Расставив все свечи, начинали петь. Подтеки от свеч вытирали блинами и бросали в сосуд. Помянув одного, свечу тушили. Так повторялось семь раз за всю ночь. В этой связи четверг еще называли «днем свечи» [Салмин, 2007. С. 114]. Рано утром глава семьи выходил к воротам. С собой он брал хлеб, пиво, а также необходи-

мые вещи для разведения костра. Разжигал небольшой огонь, приглашал дедов и бабушек, родных и главу кладбища на праздник. Молитву читал старый человек рода в честь предков, а также обращался к *Туря* с просьбой дать здоровья, хороший урожай, спокойствие в доме и т. п. Удмурты, например, просили у *Инмара* помощь в полевых работах.

Процесс отделения частиц пищи умершим родственникам чувашаи начинали с блинов: три блина выбрасывали к воротам. Во время моления для сбора частиц пищи ставили под стол или около печи специальную посуду. Начинать делить пищу глава дома. Отливая пиво из кружки в емкости, говорил: «*Аттене, аннене, пиччене, аппана пултяр*» – «Пусть будет отцу, матери, старшему брату, старшей сестре». Остальное выпивал сам. Так же поступали и с остальной едой. За ним обряд повторяли все присутствующие, по старшинству. Старики называли это жертвой умершим. Выделенные покойникам кушанья и пиво женщины выносили на двор и выливали собакам [Сбоев, 1865. С. 144]. Чувашаи после моления и отделения частиц пищи стол переставляли в передний угол. Затем проводили так называемый «бой яиц». Цель ритуала – не разбить яйцо в этом состязании. Человек, у которого оно не разбилось, считался *паттяр* – букв. богатырь. Каждый съедал разбившееся яйцо, а *паттяр* давали другое для еды. Важно отметить, что описываемый обряд спланивал родственников. Именно *паттяр* род выдвигал на руководящие роли, считая его своим богатырем, защитником. После этого начиналась совместная трапеза кровных родственников – как живых, так и мертвых. В день Великого дня было принято петь песни под скрипку. Известно, что в них выражали желание преумножить состояние рода и семей, указывали на необходимость почтительного отношения к старикам, хорошего урожая.

Завершив дела в коренном доме, все шли в дом другого родственника. Пожилые члены удмуртской общины ходили к родственникам на пасхальный суп *паска-шыд*, переходя из жилища в жилище [Владыкина, Глухова, 2011. С. 24]. По дороге они пели, весело разговаривали, желали всем встречным здоровья. Обход домов родни начинался с дома, находящегося на восточной стороне, у удмуртов он назывался *курон*,

у чувашей *ёрет*, что значит «ряд». В каждом делали то же, что и в первом. По домам ходили только в пятницу и субботу в темное время суток. Удмурты, например, спрашивали помощь в предстоящих полевых работах [Яковлев, 1903. С. 192]. Днем старики отдыхали. В некоторых местах праздник сократился до одного дня, и обход родственных домов совершался в первый же день.

Несомненно, *мункун* и *быдзым нунал* праздновались достаточно давно, еще до распространения православия в этом регионе.

Чувашский *Ҷимёк* и удмуртский *семик* (*семьк*) – летние родовые праздники. Их содержание – символическое кормление духов предков.

Слова *семик* и *семьк* происходят от числа «семь», т. е. седьмой четверг от Великого дня. С введением православия праздник сдвинулся на три дня – с четверга на воскресенье. Сам праздник стал называться Троицей, а непосредственным днем поминовения объявлено воскресенье. Но чувашки д. Средние Алгаши Цильнинского района Ульяновской области и д. Латышево Янтиковского района Чувашской Республики празднуют *Ҷимёк* по старинному календарю, в четверг, поскольку там еще живут некрещенные чувашки (Е. У. Улиндеева, Н. П. Ильмендеев, В. А. Селендеев, В. Д. Дмитриев, М. М. Якимова, Д. В. Иванова).

В *Ҷимёк* и *семьк* община строго следила за соблюдением разных запретов. Так, нельзя было копать землю, вывозить навоз, ударять землю, сеять, купаться, заготавливать веники. В противном случае ударит гром. На время прекращались и внутрисельские взаимоотношения (например, не брали и не давали займы). В этот день старики шли на кладбище. Хотя туда разрешалось ходить только тем, у кого там похоронены родители и другие ближайшие родственники, практически люди шли из каждого дома. Приезжали и из других деревень имеющие здесь своих покойных родственников. Таким образом, число участников поминок бывало значительным. Отправлялись на кладбище ближе к вечеру, на закате солнца, но ни в коем случае не до обеда. Обязательно брали с собой специально приготовленную еду. Ездили раньше на телегах и тарантасах.

Родственники, приходившие к своим предкам, вешали полотенце на могильный столб. Практиковалось на кладбище носить ветку лиственного дерева. Чаще всего род собирался на могиле общего предка, а на остальные просто относили часть отделенной пищи. Там же стелили холст, выставляли всю принесенную еду и молились: «Ходите старики в свете. Вы ушли на чужую землю, пусть будет там у вас достаточно хлеба и соли. В мире живите со своими друзьями. Мы остались от вас малолетними сиротами» [Емельянов, 1921. С. 26]. В молениях обращались как к духам предков, так и к *Туря*. Чувашки желали своим родственникам, находящимся на том свете, сытной еды и молочных озер, просили не вспоминать живых и не являться к ним без приглашения. Часть напитков отливали с ладони, кусочки пищи отделяли в чашку. После этого начиналась совместная трапеза рода [Салмин, 2007. С. 274]. Затем, уже перед уходом, чувашки оставляли одежду, чтобы родственники на том свете пользовались ею.

Следует отметить, что в *Ҷимёк* и *семьк* старались не плакать по умершим, наоборот, пели и плясали. По представлению чувашки и удмуртов, это считалось лучше, «и предкам бывало не грустно». Используемую посуду, как правило, выносили и разбивали в овраге. Уезжали с кладбища медленно, чтобы умершие родственники могли проводить живых и соскочить с телеги.

В Мамадышском уезде Казанской губернии существовал обычай ставить столб – *дыьбо* («памятник») или *бильг* («метку») в память тех своих родственников, которые умерли, находясь в пути или на службе, и похоронены на чужбине. Столбы ставились для того, чтобы душа умершего могла возвратиться домой [Емельянов, 1921].

В *Ҷимёк* и *семьк* на окна крепились зеленые березовые, ореховые ветки, так как на ветках могли посидеть и отдохнуть души предков. Таким образом, они не касаются живых, и на них не будут лаять собаки. Девушки и женщины рано утром шли в лес собирать травы семи видов, которые считались лекарственными. Отваром этих растений семья мылась в бане. Молодежь и дети в *Ҷимёк* и *семьк*, как и в *мункун* и *быдзым нунал*, устраивали качели, водили хороводы, играли. Важно отметить, что в это же время в деревне организовывали свадьбы, и брак,

заклученный тогда, считался прочным и благополучным¹.

Таким образом, в старину *çимĕк* и *семьк* у чувашей и удмуртов рассматривался как отдельный праздник, обладавший архаичными элементами. Раньше он имел больше аналогий с Великим днем: обход домов, посещение кладбища. В последнее же время летний родовой праздник ограничился лишь посещением могил предков. Но до сих пор он остается одним из самых больших торжеств, на которые собирается большое количество родственников.

К числу семейно-родовых праздников относились чувашское *çуклеме* и удмуртское *виль*. Слова *çуклеме* и *виль* (букв. «новый») означают благодарение в честь собранного урожая. Их проводили по случаю начала употребления нового урожая и называли «моление новым хлебом» [Садиков, 2008. С. 203]. Данный праздник был характерен для многих народов, традиционно занятых земледелием. Время его проведения зависело, в первую очередь, от того, когда закончатся у всего рода запасы из старого урожая. Община строго следила за тем, чтобы хлеб из нового урожая сначала посвящали божествам. Только после этого его можно было употреблять. Если род имел еще довольно много зерна, то не спешил провести обряд в честь нового урожая. Бедствующие же родовые ячейки проводили его сразу после завершения дел в овине.

Çуклеме и *виль* совершались в кругу родственников по отцовской линии, но в нем, могли участвовать и родные по женской линии, а также соседи [Золотницкий, 1875. С. 219]. Чувашаи его проводили в коренном доме. Удмурты же собирались на *виль* в родовой *куале*. В качестве жертвенных даров, в первую очередь, выступали хлеб, каша, пиво; готовили из свежих продуктов². Роль молещика принадлежала хозяину дома (главе семьи), человеку достаточно состоятельному, легкому на руку, удачливому. Чувашаи, к примеру, полагали, что если будет молиться бедный, то будет у них в роду бедный урожай. Иногда могли приглашать знахаря, который и начинал моление. Затем включался старший в доме, а знахарь, стоя

рядом, подсказывал ему. В молениях предводитель обращался к верховным божествам, а также к умершим предкам, благодарил их за выращенный урожай и просил принять от рода приготовленные ими жертвенные дары. Затем молещик подносил каждому из присутствующих ритуальную еду и питье. Именно они служили официальным допуском к обряду. После проведения моления в коренном доме отправлялись в другие родственные дома. Как правило, старались обойти все дома рода.

Сельская община регламентировала поведение крестьян. К примеру, до празднования *çуклеме* и *виль* в деревне вводились определенные запреты: не следовало давать в долг, а если случалось, то брали в заклад вещи, а после обменивались ими.

Несомненно, община практически всегда старалась выдвигать лидеров. С такими лидерами и предводителями семейно-родовых праздников и обрядов автору удалось познакомиться во время экспедиции в Республике Удмуртия и Чувашской Республике. Это были молещики *вӧсяси* из д. Карамас-Пельга Киясовского района (Г. В. Габитов, В. А. Иванов, Н. И. Смирнов) и сельский староста из д. Латышево Янтиковского района (А. С. Семенов). Они отмечали, что и сейчас стараются сохранить для своих детей все то, что им оставили их предки, особенно родовые связи.

Кровные родственники собирались на эти праздники во благо своему роду, для выражения почтения ближайшим и дальним родственникам. Они обращались к усопшим членам семьи не только с призывом принять от них угощение, но и с просьбами оказать покровительство *кузё* и *хуса*, сохранить скот, дать богатый урожай. Данные обряды, с одной стороны, являлись формой сохранения родовых связей, исторической памяти и самой идентичности, а с другой – общинники боялись покойников, старались оградить себя от их присутствия специальными обрядами, поскольку многие возникающие жизненные трудности и болезни считались делом рук умерших предков, которые насылали их на людей за непочтительное отношение к мертвым или оскорбление их памяти. В целом, рассмотренные семейно-родовые праздники и обряды у чувашей и удмуртов говорят об их схожести в содержании, структуре и функциях.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 57.

² Там же. Ед. хр. 146. Л. 711.

Список литературы

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск, 2011. 320 с.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань: Изд. Казан. Вотского Изд-го подотдела, 1921. 156 с.

Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. 279 с.

Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов. Уфа, 2008. 232 с.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

Сбоев В. А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.

Тезяков Н. И. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников // Новое слово. 1896. № 4. С. 1–10.

Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Харузин Н. Н. Вотяки. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1889. 48 с.

Яковлев И. В. Из жизни пермских вотяков Гондырского края // ИОАИЭ. 1903. Т. 19, вып. 3–4. С. 183–195.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Kiadja Magyar tudomány os akadémia, 1887. S. 169–176.

Список источников

НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 21. 57 л.

НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 21. 711 л.

Полевые материалы автора

Г. В. Габитов 1935 г. р., д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртской Республики (июнь 2014 г.)

В. А. Иванов 1958 г. р., д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртской Республики (июнь 2014 г.)

А. С. Семенов 1928 г. р., д. Латышево Янтиковского района Чувашской Республики (май-июнь 2015 г.)

Н. И. Смирнов 1959 г. р., д. Карамас-Пельга Киясовского района Удмуртской Республики (июнь 2014 г.)

М. М. Якимова 1939 г. р., д. Латышево Янтиковского района Чувашской Республики (май-июнь 2015 г.)

Материал поступил в редколлегия 17.06.2015

E. V. Kondrateva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS
3 University Emb., St.-Petersburg, 199034, Russian Federation

kateruk1991@mail.ru

**THE FAMILY-KIN HOLIDAYS AND RITES
OF THE CHUVASH AND THE UDMURTS**

Purpose. The article is devoted to the complex study of the family-kin holidays and rites of the Chuvash and the Udmurts, namely celebrating Great days – *măn kun* and *bydzym nunal*, *çimëk* and *semik* (*semyk*), *chukleme* and *vil*. Family, kin and community have always played a decisive role in the preservation and reproduction of traditional culture. Family-kin customs and requirements are particularly important for the Chuvash and the Udmurts peasants and make the basis of their life. The rural community included families rather than individuals, and, thus, the family was the main structural component of the community. The rural community being an important institute of socialization in the traditional society, it was the key factor for keeping traditions.

Results. The family-kin rites and holidays are some of the structural elements of ethnic culture which affect functioning of the whole communal system. A major role in this process was assigned to the rural community because it influenced the formation and inheritance of the ancestors' good traditions, performed the functions of the social memory and regulated the behavior of people in repeating situations. Due to the existing communal traditions, peoples of the Volga-Kama region continue to keep their family-kin rites and celebrate traditional holidays. They retain strong family ties and pass their century-old experience from generation to generation. According to the results of

the investigation, there are many similar features in the ritual complex of the Chuvash and the Udmurts. These rites are a form of preserving kin relations, historical memory and identity. On the one hand, the Chuvash and the Udmurts commemorated their ancestors in prayers, asking them for help in difficult situations and offering them sacrifices. On the other hand, community members feared of the dead, tried to protect themselves from the dead's presence by performing special rites. Many of the difficulties in people's lives and illnesses of the members of their families and kin were referred to the ancestors who impose such hardship on the living people because of their disrespectful attitude towards the dead or insulting their memory.

Conclusion. In this investigation we made the first attempt to explore communal traditions in the Volga-Kama region on the family-kin level using the example of the two nations, the Chuvash and the Udmurts. The role of the community in carrying out family-kin rites and traditional holidays was performed through worshipping family-kin shrines-patrons and dead ancestors. We observed strong kin bonds of the Chuvash and the Udmurts, which plays a big role in their life. Compared to the other peoples of the Volga-Kama region, the Chuvash and the Udmurts communities were less exposed to the destructive effects of the commodity-money relations. Even during the liquidation of the rural community, when collective and state farms appeared and the economic foundation of the rural community was destroyed, the established traditions did not turn into the thing of the past and continued to exist.

Keywords: Chuvash, Udmurt, community, family-kin rites and holidays, communal traditions.

References

Emel'ianov A. I. *Kurs po etnografii votyakov* [The course on ethnography of Votyaks]. Kazan', Izdanie Kazanskogo Votskogo Izdatel'skogo Podotdela Publ., 1921, 156 p. (in Russ.)

Kharuzin N. N. *Votyaki* [Votyaks]. Moscow, Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig Publ., 1889, 48 p. (in Russ.)

Munkácsi Bernát. *Votják népköltészeti hagyományok* [Votyak folklore traditions]. Budapest, Kiadja a Magyar tudomány os akadémia, 1887, P. 169–176. (in Hung.)

Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov* [Traditional religious beliefs and rituals of the Trans Kama Udmurts]. Ufa, Tsentr etnologicheskikh issledovaniy UNTs RAN Publ., 2008, 232 p. (in Russ.)

Salmin A. K. *Sistema religii chuvashei* [System of the Chuvash Folk Religion]. St.-Petersburg, Nauka, 2007, 654 p. (in Russ.)

Sboev V. A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh* [Chuvash in the domestic, historical and religious relations]. Moscow, Tipografiya S. Orlova Publ., 1865, 188 p. (in Russ.)

Tezyakov N. I. *Prazdniki i zhertvoprinosheniya u votyakov-yazychnikov* [Holidays and sacrifices of Votyaks pagan]. *Novoe slovo* [The new word], 1896, no 4, p. 1–10. (in Russ.)

Tokarev S. A. *Rannie formy religii i ikh razvitie* [Early forms of religion and their development]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 622 p. (in Russ.)

Vladykina T. G., Glukhova G. A. *Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya* [The rites and holiday of Udmurts calendar]. Izhevsk, Udmurtskii Univ. Publ., 2011, 320 p. (in Russ.)

Yakovlev I. V. *Iz zhizni permskikh votyakov Gondyrskogo kraya* [From the life of Perm Votyaks Gondor Territory]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [News of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial University of Kazan], 1903, vol. 19, iss. 3–4, p. 183–195. (in Russ.)

Zolotnitskii N. I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar'* [Chuvash – Russian Dictionary]. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo Univ. Publ., 1875, 279 p. (in Russ.)

List of sources

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA CHGIGN) [Scientific Archive Chuvash State Institute for Human Sciences]. Otd. 1. Ed. khr. 21. 57 p. (in Russ.)

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA CHGIGN) [Scientific Archive Chuvash State Institute for Human Sciences]. Otd. 1. Ed. khr. 21. 711 p. (in Russ.)